

Игорь Мерцалов

**НОВЕЙШАЯ ОПТОГРАФИЯ
и другие
занятные истории**

16+

Игорь Валерьевич Мерцалов
Новейшая оптография и
другие занятные истории.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48457647
SelfPub; 2019*

Аннотация

Рассказы в жанре иронического фэнтези из авторского цикла «Новейшая оптография» о приключениях молодого учёного мага, который разработал метод, позволяющий запечатлевать не просто образы, а истинную суть вещей. Открытие приносит неожиданные результаты и порой ставит Непеня Сударого, его секретаршу, студентку агромагического училища Вереду, верного помощника упыря Персефония и домового Переплёта в весьма затруднительные положения.

Содержание

Несколько слов о «Новейшей оптографии»	4
Новейшая оптография	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Несколько слов о «Новейшей оптографии»

Всё началось с одного рассказа. Он возник в голове словно ниоткуда, целиком, сразу со всеми персонажами и их нестандартными именами. Впоследствии он стал первой главой романа «Новейшая оптография и призрак Ухокусай». В настоящий сборник я включил его для читателей, не знакомых с романом.

«Обман» и «Спросонское чудовище» продолжают тему. В них у метода новейшей оптографии обнаруживаются неожиданные эффекты и появляется фигура ещё одного обитателя провинциального Спросонска – принципиальный сыщик Заручкин, которому предстоит сыграть заметную роль в последующих событиях.

Если эти рассказы придутся читателям по вкусу, надеюсь, их порадует известие, что оба станут главами романа «Новейшая оптография и Зачарованная Невеста», который я рассчитываю выпустить в 2020 году.

«Упырь на бирже труда» и «Чисто тролльское преступление» могли бы стать прологом и эпилогом книги «За несколько стаканов крови» о молодости упыря Персефония, одного из ведущих героев «Новейшей оптографии». Но в этом случае «Стаканы» сделались бы громоздкими. Так что

роман остался цельным произведением, в котором острозаметное повествование не прерывается ни на минуту.

Рассказы же вполне самостоятельны. Если у читателя возникнет вопрос, что происходило с Персефонием между биржей труда в Лионеберге и мостом троллей в весёлом городе Фрибурже, достаточно сказать, что он совершил короткое, но насыщенное опасностями путешествие по стране, пережившей гражданскую войну, обзавёлся миллионом, но остался честным малым.

А теперь довольно предисловий – добро пожаловать в мир, где люди живут бок о бок с мифологическими существами, а научная магия стремительно движет прогресс! Начнём со Спросонска...

Новейшая оптография

*Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Много дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море...
...В битвах, как люди живые, они нападают и бьются...
...такое он чудо представил.
Гомер, «Илиада»*

Смутные сны посещали Сударого в эту ночь, лоскутные – и сплошь какие-то неприятные. То виделось, что сам царь-государь приходит к нему на сеанс, а в ателье пыльно, и половица скрипит, и, вот же подлость, у табурета ножка шатается, так что царю сидеть неудобно, аж корона на бок съезжает, и он её ловит беспрестанно (а всё это, надо сказать, за исключением царя, и наяву место имело). И вот будто бы, протолкавшись меж гвардейцев, которых на каждом углу по паре, подбегает к царю премьер-министр и стонет: невместно, мол, государю в таком убожестве находиться, надо в ателье к мсье де Косье идти; и в гневе едва успевает вскочить царь-батюшка с предательского табурета, который как раз падает, и удаляется, и утекает сквозь пальцы Сударого счастливый шанс: снимок, который мог бы его и озолотить, и прославить, утекает к заклятому конкуренту Кривьену де Косье.

То причудилось, что ему судебный пристав повестку при-

носит, а в ней сказано, что «г-н Сударый вызывается в суд в качестве обвиняемого по делу об оскорблении чести и достоинства» – не царя, слава Богу, но какого-то тоже важного лица.

То приблазнилось, что собрался он готовить новый состав, а в лавке ему серебряного порошку в долг уже не отпускают.

А потом самое досадное приснилось: будто Сударому счета приносят за оба месяца, а у него где-то целая куча золота на столе лежит, только он не помнит, где и на каком, мечется по дому, найти не может, а с приказчиком от хозяина лавки сразу судебный пристав пришёл (тот самый, из сна про повестку), и они говорят: «Всё вы врёте, господин Сударый, нету у вас никакого золота, а ждать нам уже никак невозможно, так что...»

Самый противный сон, честное слово. Главное – правдоподобный до жути (исключая кучу золота). Уж во сне-то, казалось бы, можно от этих мыслей отдохнуть!

А потом солнце ударило в глаза – на миг, потому что шторы мгновенно задернули. Раздался воинственный крик, и на Сударого напал упырь.

И это уже было на самом деле.

Молодой оптограф проснулся мгновенно, они покатались по ковру. Упырь был силен, даже необычно силен сегодня, но знание приемов помогло Сударому скрутить его.

– Довольно, Персефоний, – пропыхтел он наконец. – Всё,

я уже свернул тебе голову.

– Между прочим, вы дважды укушены, Непеняй Зазеркальевич, – заметил Персефоний, помогая Сударому подняться. – Ну-с, а теперь – за рапиры!

Они прошли в соседнюю комнату, при необходимости служившую гостиной или спортивным залом, сняли со стен рапиры и принялись фехтовать. Упырь быстро набрал преимущество в три укола и, несмотря на все старания оптографа, стойко удерживал фору.

– Силен ты нынче! – признал Сударый. – Хорошо поработал ночью, что-то крупное попало?

Схваченный полгода назад за бродяжничество и взятый Сударым на поруки упырь, кроме того, что работал в ателье, на общественных началах служил в подотделе по очистке города от бродячих животных.

– Не то слово! Кавказский овчар, да? – похвалился Персефоний, почему-то начиная говорить с акцентом. – Савсэм злой, нэмножка бэшений. Вот такой, да? – показал он щедрым рыбацким жестом и добавил: – Это в талии...

– Фантазёр ты, Персефоний. Ну откуда в современном городе возьмется бродячая кавказская овчарка? Сказал бы хоть: зомби, можно ещё поверить.

– Ну что вы, Непеняй Зазеркальевич, – скривился упырь. – Разве с зомби кровушка в жилах заиграет? Одно слово – нежить... мышами и то скорее наешься. А тут, точно вам говорю, крупная была зверюга.

– Ну, добро. Ты уже отдыхал?

– А мне теперь на ближайшие сутки без надобности, хоть весь день по солнцепёку гоняйте!

– Отлично, тогда проверь запас реактивов и приберись в студии. Проследи, чтобы Переплёт хорошенько подмёл, а то пылища у нас – перед клиентами стыдно.

Упырь занялся делом, а Сударый совершил утренний туалет, оделся в коричневый костюм (собственно, единственный), повязал галстук-бабочку и спустился вниз.

Из студии неслись препирательства упыря и домового Переплёта. Слышалось ворчливое: «Я и костюм гладь, я и всё...»

Насчёт убожества премьер-министр во сне, конечно, преувеличил, но спору нет: обстановка в приёмной бедновата. Стол секретарши, шкаф для верхней одежды, вешалка для посетителей, стойка для тростей, а ещё полупустой стеллаж, который запланирован для альбомов с репродукциями, живые картинки на стенах – вот и всё. Пустовато как-то. Пальму в кадке, что ли, поставить? Фу как глупо...

Вереда уже была на месте. Заметив Сударого, поспешно спрятала что-то в ящик стола и приветливо улыбнулась начальнику.

– Доброе утро, Непеняй Зазеркальевич!

– И тебе утро доброе, Вереда.

В ящике кто-то отчетливо шебаршился, но Сударый сделал вид, будто ничего не замечает. Непозлобина Вереда Уми-

ляевна, студентка-второкурсница, училась на заочном отделении факультета биомагии, получала стипендию и в ателье работала на полставки, а работала очень хорошо, к тому же, была собой милостива, так что молодой оптограф смотрел сквозь пальцы на её пристрастие к экспериментам на рабочем месте, лишь бы результаты экспериментов не попадались на глаза посетителям.

– Будь добра, загляни, пожалуйста, в астрологический календарь и скажи: сбываются ли сегодняшние сны?

Девушка, оставив попытки щелчками по ящику успокоить сидящий там плод её биомагических упражнений, открыла календарь и объявила:

– Нет, Непеняй Зазеркальевич... Ах, простите, проглядела: у вашего знака – сбываются!

– Прекрасно, – не то просто в воздух сказал, не то попытался внушить себе Сударый, которому после нынешних снов оставалось уповать лишь на то, что царь как будто бы не покидал столицы. – Так, что у нас намечается на сегодня?

Вереда открыла журнал.

– Сегодня, Непеняй Зазеркальевич, у нас удачный день, и не по астрологическому календарю, а по предварительной записи. На десять часов романтический портрет, на десять тридцать и одиннадцать – торжественные портреты в мундирах, из них один – на поле брани. И на три – групповой снимок, фамильный портрет на восемь персон с собачкой.

– Интересно, собачка включена в состав персон? – хмык-

нул появившийся в приёмной Персефоний. – Непеняй За-
зеркальевич, с реактивами туго. Только я больше в лавку не
пойду, меня там даже слушать не хотят. Вы бы сами как-ни-
будь? А я пока табурет почию.

– А что с табуретом? – несколько более нервно, чем соби-
рался, спросил Сударый.

– Да ножка расшаталась. Но вы не тревожьтесь, я сделаю.

– Превосходно, – кивнул оптограф, усилием воли вернул
себе боевое расположение духа и, окинув генеральским взо-
ром личный состав, объявил: – Итак, сегодня большой день,
господа, и мы должны провести его достойно! Готовьтесь, я
буду, как всегда, через сорок минут.

* * *

Постукивая тростью по брусчатке, Сударый прошёл до се-
редины квартала, пересёк проезжую часть, пропустив повоз-
ку-самокат и двуколку, запряжённую рысаком, поморщился
вместе с другими прохожими, когда какой-то лихач на ков-
ре-самолёте с несносным провинциальным шиком промчал-
ся мало не по головам, и вошёл в «Обливион», кафе, при-
надлежавшее господину Кренделяки.

Несмотря на слухи о мастерстве упомянутого господина,
«Обливион» не числился среди лучших заведений города
Спросонска, потому и цены в нём были приемлемые. Суда-
рый сел за свой любимый столик у окна. К нему подошла

русалка (официантками у Кренделяки работали только русалки), он заказал себе салат и, памятуя о предстоящих заработках, ма-аленький бифштекс под соусом пикан, особенно упирая на то, что бифштекс ма-аленький не просто так, а потому, что под соусом пикан большие и средние бифштексы попросту неуместны. Кроме того, заказал он себе чашку кофе и утреннюю газету.

В ожидании заказа Сударый изучил газету, профессионально интересуясь не столько новостями, сколько размещёнными на полосах спиритографиями. Впрочем, не удержался от того, чтобы внимательно просмотреть первую страницу – но нет, царь-батюшка планировал награждения двух генералов, переговоры с послом из Забугорья по поводу импорта окорочков магически возвращённых кур, торжественный бал в честь вернувшихся на прошлой неделе с дальнего севера землепроходцев, а визита в Спросонск отнюдь не планировал, по крайней мере, сегодня.

Спиритографии газетные, как всегда, оставляли желать лучшего, однако грубых ошибок и недочётов Сударый, к сожалению, не заметил. Вкладывая деньги в собственное ателье, он очень рассчитывал на знание новейших оптографических методик, однако надежды не спешили оправдаться. Тогда он предпринял массивное наступление на прессу, и непосредственно редактору губернского «Вестника Спросонья» адресовал целых три письма, в которых, апеллируя к конкретным примерам, указывал на недостатки в работе ре-

дакционных спиритографов и предлагал свои услуги. Однако письма его остались безответными, хотя Сударый и отметил, что высказанные им замечания явно учтены.

Так что уже ничуть не вдохновляло его на новый штурм газетного мира качество традиционной печати, при котором изображения получались чёрно-белыми, слегка размытыми, едва шевелящимися и повторяющими весьма короткий цикл движений. Землепроходцы, заснятые непосредственно при возвращении, кланялись, как заведенные, один из награждаемых генералов, стоя на трибуне, тянул руку к карману, чтобы извлечь бумажку с речью, но так и не доставал её, а царь-батюшка только хмурил брови.

Лучшая спиритография номера располагалась на предпоследней странице, отданной на растерзание местным поэтам. Отлично экспонированный снимок изображал берёзу на обрыве у реки Лентяйки. Судя по тому, как плавно шевелилась чётко очерченная крона, текли по небу облака и без малейшего разрыва пролетала стая неопределённых птиц, снимок можно было рассматривать часами, а может, он даже запечатлел переход заката в звёздную ночь. Впрочем, Сударый давно заподозрил, что для ежемесячной поэтической полосы когда-то давно был сделан кем-то отличный панорамный снимок, который с тех пор нарезают и выдают по кусочкам. Сразу под пейзажем располагались стихи одного из виднейших местечковых музоложцев, как презрительно именовал провинциальных пиитов один столичный знакомый Сударо-

го, Нахлаба Смасловича Воспевалова, под названием «Лентяйка – значит «лента»». Первая строка была такая:

Лентяйка – значит «лента», а не «лень»...

Сударый пробежал глазами по правому краю стихотворной колонки и обнаружил рифмы «день», «сень», «тень», «Словень», снова «лень», «кипень», вносящее некоторое разнообразие, хотя и просторечное «довсклень», страшно диссонирующую с общей тональностью опуса «дребедень» и снова «сень». Он покачал головой. Нет, не стал бы он ради сих строк создавать новую спиритографию, да ещё такую хорошую!

Меж тем был принесен салат, а за ним и бифштекс, и Сударый, на минуту выбросив из головы все посторонние мысли, только-только приступил к нему, как за столик напротив него сел тучный господин весьма представительного вида.

– Доброе утро. Невменяй Залазьевич, если не ошибаюсь, спиритограф? – поинтересовался он.

– Непеняй Зазеркальевич, – поправил Сударый. – Но действительно спиритограф. Точнее даже сказать, оптограф.

– Позвольте представиться: Рукомоев Захап Нахапович, секретарь градоправителя. Очень удачно, что мы с вами встретились, у меня ведь к вам, представьте, дело. И связанное именно с тем, что вы, как бы сказать, не вполне спиритограф, то есть даже, собственно, оптограф... А дело вот в чём: нынче моё семейство будет спиритографироваться в вашем ателье.

– Семейный портрет на восемь персон, – кивнул Сударый.

– С собачкой, – добавил Рукомоев. – Дело, собственно, вот в чём. Вы, как я слышал, используете в своих... опто-снимках э-э... новейшие разработки забугорских учёных.

– И не только забугорских! – поспешил заверить Сударый. – В своих изысканиях я опираюсь на опыт учёных и Заморья, и Загорья, а брошюра известного незададьского исследователя Рукивногича о призматических объективах вообще остаётся у меня настольной книгой! Я уже не говорю о великом труде нашего гениального соотечественника Незазида Бескорыстовича Подаряева «О призматическом разложении ауры»...

– Э-э... да-да, – вежливо покивал головой Рукомоев. – Так вот и я о чём: поговаривают, будто эта новейшая метода позволяет прямо-таки новые горизонты открывать и глубины освещать...

– Простите, но вы, кажется, Захап Нахапович, несколько... далековаты от обсуждаемой темы? – улыбнулся Сударый, сообразив, что помощник губернатора, определенно консерватор, поддался минутному порыву и сделал заказ, а потом стал мучиться вопросом, что с ним в ателье будут делать. – Позвольте, я вам вкратце расскажу, по возможности избегая терминов, которые человеку свежему, разумеется, не могут быть понятны.

– Вот-вот, с удовольствием бы я вас послушал, – согла-

сился Рукомоев.

Сударый подозвал русалку, попросил ещё кофе, и стал набивать трубку табаком. Рукомоев попросил себе кофе с коньяком и тоже набил трубку.

– Разумные издревле стремились создать заклинания, позволяющие запечатлевать те или иные образы, – начал Сударый. – Но в прежние века работа велась кустарными способами, носители были ненадежны, и каждый мастер использовал собственные заклинания, так что другой не мог зачастую даже воспроизвести образ с уже готового носителя. Главная же ошибка предшественников заключалась в том, что они пытались запечатлеть образы непосредственно, что приводило к появлению фантомов, големов и прочих кадавров, порой даже точно копирующих оригинал – что, впрочем, приносило одни неприятности. Только на современном уровне развития алхимии стало возможным фиксировать зрительный образ, который сам по себе содержит огромное количество информации об объекте. Ведь спиритограф – это, вопреки мнению некоторых невежественных разумных, не уловитель духа, а всего лишь описатель духа. Изображение, в котором ярко выражена духовная составляющая объекта или субъекта съемки... предмета или разумного, иными словами, – поправился Сударый, видя, что его собеседник всё же не без труда следит за ходом мысли, – начинает самостоятельно производить действия, характерные для того, с кого сделан снимок. Но и эти методы нельзя назвать совершенными.

ми. Количество информации, записываемой обычным способом, довольно невелико, и порой это приводит к неточностям и искажениям. Да вот, полюбуйтесь, – сказал он, показывая Рукомоеву хмурящегося царя на первой полосе. Рукомоев неосознанно подтянулся. – Судя по тексту, государь произносит речь, полную оптимизма и благодарности героям, прославившим нашу державу. Так отчего же на снимке он хмур? А просто так совпало, что в миг, когда оператор спиритокамеры делал снимок, государь – мельком, быть может, – подумал о чем-то малоприятном. Для изображения мимолётная мысль стала главной. Дабы изображение вело себя правдоподобно, требуется длительная экспозиция... м-м, требуется держать объект съёмки в кадре хотя бы несколько минут, иногда до часа... Так вот, виднейшие ученые предположили, что совершенствовать спиритографию надо не за счёт увеличения экспо... времени съёмки, а за счет концентрирования информации. Вы и представить себе не можете, каких поразительных результатов позволяет добиться обыкновенная двояковыпуклая линза в одну диоптрию! Кроме потока световых лучей, она фокусирует и биоэнергетические потоки. Благодаря этому получаемое изображение условно проявляет многие свойства объекта съёмки, даже те, что не были явны непосредственно в момент спирито-, а точнее, оптографирования. Конечно, все это стоит больших расходов... требуются усовершенствованные алхимические составы для оптопластин, принципиально новые заклинания...

Но результат поразителен!

– Вот про свойства бы хотелось поподробнее, – вставил слово Рукомоев. – А лучше сделаем так: вы уж позвольте, Непеняй Зазеркальевич, старому ворчуну рассказать, в чем дело, поведать, так сказать, причину скорби сердечной, а уж после обговорим детали. Но дело у меня к вам, по правде, свойства деликатнейшего...

– Вы можете быть уверены в моем молчании! – заверил его Сударый, не совсем понимая, что такого деликатного может быть связано с достижениями магической науки.

– Коротко говоря, не так давно устроил я счастье своей дочери, ненаглядной Запядуни. В зятя ко мне угодил молодой Молчунов, Незагрош Удавьевич. Человек фамилии порядочной, небеден, да и собой весьма недурён. Устроил я его приличествуяще, в губернскую канцелярию. Всё хорошо, но с некоторых пор... Ах, и сказать-то неловко, но где нынче правды искать, как не в высоких достижениях науки! В общем, перестал я ему вдруг доверять. И ведь ничего-то определённого сказать против него не могу, чтобы там подозревать в чём-то – ни-ни! Но – не доверяю и всё тут. Уже сам исстрадался, не в силах разгадать терзающих старое сердце сомнений – и вот прослышал о достижениях волшебства оптографии. И подумал: вот бы хорошо такую пластину изготовить, на которой именно личные свойства Незагроша нашего Удавьевича, в обычной жизни от глаз, быть может, сокрытые, явны станут.

– Ах, вот что вы имели в виду! – сообразил Сударый. – Боюсь, я должен огорчить вас. Дела подобного рода...

– Обсуждаются приватным образом, – перебил его Рукомоев. – Как мы с вами и делаем. Надеюсь, вы не думаете, что я способен пойти с вашим оптоснимком в суд? Конечно, при условии, что снимок вообще покажет что-то предосудительное. В том-то и соль, что мы с вами действуем приватнейшим образом, любезный Непеняй Зазеркальевич! – успокоил он оптографа, приятно улыбнувшись.

– Вы меня не совсем поняли. Моральный вопрос относительно данного случая пока даже не стоит, ибо научные разработки находятся ещё в стадии эксперимента...

– Ста рублей вам хватит? – чуть наклонясь вперед, спросил Рукомоев, и Сударый поперхнулся окончанием фразы.

По молодости лет он привык мыслить в космических, или, по крайней мере, планетарных масштабах, однако конкретная цифра впечатляла не в пример сильнее. Сто рублей! За самые качественные снимки в своей студии он брал по полтора рублика с персоны, в особых случаях по два, как намеревался взять сегодня с одного из торжественных мундиров, которому требовалась на оптопластине, кроме собственной личности, добротная наведённая иллюзия. По три рубля с персоны платили ему те, кто хотел, как нынче Рукомоевы, получить не просто оптопластину, а богатый портрет, пригодный для вывешивания в раме на стене.

Сто рублей!

И ведь нравственный вопрос действительно не стоит! И не встанет до тех пор, пока того не потребует практика. И вообще, знаете вы, господа, что такое сто рублей для привыкшего во всём себе отказывать молодого энтузиаста в провинциальном городе?

Это новейший, превосходный, изготовленный на единственном в мире чужедальском заводе призматический объектив, который поступил месяц назад в алхимическую лавку и там пылится пока за ненадобностью на полке, потому что заказавший его звездочёт обнаружил совершенную несовместимость с имеющимися у него приборами. Вроде бы де Косье на него посматривал, не иначе, просто из вредности, но – шиш де Косье, не нужен ему объектив, а кому нужен, тот придет и купит. И рублей после этого останется ещё – о, Боже! – целых семьдесят!

А семьдесят рублей для означенного молодого человека в указанных условиях – это оплаченные счета, после чего рублей останется ещё сорок два.

А сорок два рубля – это новый, сшитый по мерке, костюм, штиблеты и десяток воротничков, после чего рублей останется ещё тридцать четыре. А тридцать четыре рубля – это... это...

Ах, да что там скаредничать, на зарплату сотрудникам можно наскрести из обычных доходов, а сейчас – выплатить им по червонцу премии! Заслужили, по-честному говоря! И домовому пятёрку – захочет, на себя потратит, захочет –

по хозяйству чего прикупит, он самостоятельность любит. Впрочем, почему же пятёрку, господа, всё ту же десятку! И рублей останется ещё... восемь, потому что шут с ними, с воротничками, да и со штиблетами тоже, пусть будет хороший костюм – а на остальные деньги сразу купить реактивы и даже останется на нормальный бифштекс! А то и на два. Уж на кофе точно останется. А табак и в долг теперь отпустят...

* * *

Покинув «Обливион» и чувствуя себя так, словно он вдруг напрочь забыл, кто он, где и зачем он, молодой оптограф прошёлся вверх по улице. Спohватившись, посмотрел на часы, обнаружил, что времени минуло гораздо меньше, чем он ожидал, и тогда, вспомнив о насущном, бросился в алхимическую лавку. Реактивы – это в первую очередь.

А без призматического объектива, который вдруг, скачком, приблизился из недостижимого далёка и сделался так близок, Сударый теперь не то, что работать, дышать бы не смог.

По дороге он старался успокоиться и охолонуться. Сто рублей – а скорее, та лёгкость, с которой они перекечевали в его тощий карман, – выбили Сударого из колеи, но, чтобы отработать деньги, необходимо иметь спокойные нервы и трезвую голову. Ни единой промашки быть не должно! Нельзя ни в коем случае забывать, что семейство Рукомоевых – од-

но их самых почитаемых не только в городе, но и во всей губернии. Не сравнить, конечно, с государевым, но, грубо говоря, если табуретка хряпнется под кем-то из Рукомоевых, хоть бы даже и под собачкой, особой разницы Сударый не ощутит.

За прилавком нынче стоял сам алхимик, жгучий брюнет, маленький и худощавый, но вполне внушительный в неизменных волшебных очках-духовидах. Обрадованный как возвращенным долгом, так и возможностью избавиться от залежавшегося товара, он даже скинул два рубля с объектива и полтинник с реактивов.

Но, как видно, Сударый был слишком озабочен предстоящими хлопотами, и обретение вожеленного объектива прошло как-то обыденно и отмечено было одним или двумя усиленными стуками сердца, не более. На сэкономленные деньги оптограф (гулять так гулять!) взял извозчика, за четверть часа прокатился вдоль магазинов, приобрел два новых воротничка (себе и Персефонию), розу для Вереды, а также свежезаряженный световой шар и благовонный цветик-семицветик, способный истреблять в воздухе пыльную затхлость, для студии.

В десять ровно он подкатил к ателье, поздоровался в дверях с первыми клиентами, четой молодожёнов, сдал покупки Переплёту и прямо с порога взялся за работу. Романтический пейзаж у него был заготовлен ещё со вчерашнего дня, наведённая иллюзия легла на оптопластину ровнёхонько, и

такое начало трудового дня Сударый счёл благоприятным знаком.

Он трудился, а творческая мысль зрела, зрела и наконец вызрела. Закончив съёмку, Сударый первым делом отправил мальчишку-посыльного с записками в лавку алхимика и в библиотеку. И только потом, вынув из камеры и передав Персефонию оптопластину с романтическим портретом (упырю, прекрасно видевшему в темноте, часто приходилось работать со светочувствительными материалами), вспомнил о розе и воротничках. Первая заняла место на рабочем столе девушки, вторые – на шеях живого и неживого мужчин, непостижимым образом придав им уверенности в своих силах.

Правду сказать, работники ателье не вполне понимали возбужденного состояния молодого оптографа. Съёмка Рукомоевых – дело, конечно, ответственное, но чтобы Сударый на себя не походил... Только отсняв носителей мундиров, которые были сослуживцами и пришли вместе, так что между ними и следующими клиентами образовалась временная лакуна в два с лишним часа, Сударый разъяснил товарищам суть дела.

– Ой, – сказала на это Вереда. – Непеняй Зазеркальевич, может быть, лучше не надо? Я, конечно, не специалист и не могу давать советы, но проводить эксперименты на разумных...

– На добровольцах, Вереда, на добровольцах! – твёрдо за-

явил Сударый. – Захап Нахапович сам изъявил желание воспользоваться экспериментальной методикой съёмки. Желание клиента – закон. Да и не в нём, по совести говоря, дело. А в том, что у меня есть идея, формула, и счастливый случай дарит мне подходящего клиента. Призматический объектив, новый серебряный состав и новое заклинание произведут настоящую революцию в оптографии! Персефоний, возьми объектив, только осторожно, и установи на «Зенит». Вереда, у тебя ведь по алхимии пятёрка?

– Да, но это же не профильный предмет...

– Немедленно в лабораторию, я скажу Переплёту, чтобы выдал тебе ингредиенты, трансмутируй мне тридцать грамм серебра высшей пробы «холодным» способом. Я сейчас отправляюсь ещё за кое-какими покупками... Да, Персефоний, мне нужна идеально прозрачная стеклянная пластина! У нас останется час для нанесения состава.

– А я пока приберусь в студии, – вызвался захваченный энтузиазмом господина оптографа домовый.

* * *

Алхимик, обрадованный платежеспособностью уже списанного было со счетов клиента, старательно подобрал заказанный через посыльного товар и даже обратился к Сударому с приветливым:

– Никак, дела пошли, Непеняй Зазеркальевич?

– Не без того, Клин Клинович, не без того, – приговаривал оптограф, укладывая покупки.

Следующим пунктом его вояжа была библиотека. Однако вместе с ним из лавки алхимика вышел хорошо одетый молодой человек приятной в целом наружности, несколько подпорченной бегающим взглядом. Он обратился к Сударому с вопросом, не он ли будет Невнят Завиральевич, а услышав в ответ, кем Сударый был, есть и надеется оставаться в дальнейшем, весьма обрадовался, объявив, что его-то он, оказывается, и искал, а никакого не Невнята Завиральевича. Представившись Незагрошем Удавьевичем, он сказал:

– Вы, кажется, спешите? У меня здесь коляска-самовоз, если позволите, я вас подвезу, а по дороге мы сможем переговорить по одному деликатному делу.

Сударому в коляску не хотелось. Что-то слишком много деликатных дел накручивается вокруг одного-единственного оптографического снимка. Правда, снимок на восемь персон, да ещё с собачкой, но от той хотя бы интриг ожидать не приходится. Однако Незагрош был настойчив.

– Поверьте, это в ваших же интересах, – убеждал он.

«Что ж, выслушаю, по крайней мере», – решил Сударый и, подчиняясь приглашающему жесту Молчунова, шагнул к коляске.

Коляска у рукмоевского зятя была роскошная – хермундского производства шестиместный кабриолет класса «джинномобиль» со стальными рессорами и со штатом прислуги в

составе миловидной сильфиды в фартучке и очкастого гнома в лихо заломленной на затылок кепке и испачканной машинным маслом куртке.

Они поклонились владельцу коляски, затем сильфида распахнула перед людьми дверцу, а гном занял своё место за рулём и тронул магический кристалл, гнездившийся на оси рулевого колеса, и самовоз покатил к названной Сударым библиотеке. Молчунов жестом отправил сильфиду, пытавшуюся вручить пассажирам прохладительные напитки, из салона на передок и обратился к оптографу:

– Сегодня в «Обливионе» вы имели приватную беседу с отцом моей жены. И, конечно же, он просил вас изготовить обличающий меня снимок.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – нахмурился Сударый.

– Да бросьте, господин оптограф, – махнул тот рукой. Вообще, едва полог кабриолета отрезал их от внешнего мира, Молчунов разительно изменился: из голоса его исчезла показная доброжелательность, глаза перестали бегать и глядели теперь на собеседника прямо. – Разумеется, я не подслушивал, и не могу воспроизвести ваш разговор дословно. Но я прекрасно знаю, как Захап Нахапович ко мне относится. Я человек решительный и честолюбивый. С моей молодостью, силой и настойчивостью, я действительно намереваюсь в течение трех-четырех лет обогнать его в карьерном росте. При этом, однако, я не намереваюсь в будущем ни забывать, ни тем более принижать людей, которые мне сей этап обеспе-

чивают, то есть почтенное семейство Рукомоевых, и уж тем более не намерен я бросать когда-либо мою Запятаушку, мою прекрасную жену. А вот Захап Нахапович этого не понимает, потому что сам на моём месте непременно бы втоптал в грязь тех, кто ему помогал. Впрочем, это все к делу относится лишь косвенно, а важно теперь вот что: Захап Нахапович ищет возможности удалить меня из семьи, уличив в чем-нибудь неблаговидном, на службе или в сфере семейных отношений. С недавних пор он заинтересовался достижениями новейшей оптографии, выписал пару книг, изучил целый номер «Ежемесячного спиритографа», ничего в прочитанном не понял, но стал обращаться к знакомым за советом – и вскоре услышал о вас, господин Сударый, как о спиритографе нового поколения. Когда он разместил в вашем ателье заказ на групповой снимок, я сразу понял, в чём дело. Сам я, надо сказать, несколько более сведущ в спиритографии. Как-никак, постоянно слежу за столичной прессой, за мировой культурой. Да что там, нынче даже в «Зайке» такие оптографии печатают, что... в общем, успехи современной магии, так сказать, налицо. Я прекрасно знаю, что нарочно выявить то или иное человеческое свойство оптографам не под силу, как раз наоборот, все стремятся к созданию цельного образа. И, разумеется, не стал бы я вас беспокоить, если бы не одно опасение. Если вам удастся при помощи новейших методик сделать достаточно совершенный, сложный снимок, на котором достаточно широко отразился бы мой внутрен-

ний мир, Захап Нахапович непременно отыщет на нём что-нибудь, чтобы поставить мне в вину. Понимаете, элементарной ложной интерпретации жеста или выражения лица будет достаточно, чтобы разрушить мою карьеру и разбить сердце милейшей Запяташки! Да, если бы снимки могли разговаривать... но ведь они не могут, так? – уточнил Незагрош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.